

МЫ ПРОТЕСТУЕМ!

Голос рабочей молодежи.

Мы, рабочие комсомольцы, коммунисты, мобилизованные для работы в деревне, находящиеся сейчас на курсах при ЦК ЛКСМБ, заслушав только что полученное письмо Западно-Белорусского комсомола, заявляем:

— Там, где существует польская дефензива, где польские оккупанты спрывают свой кровавый пир, где гибнут под сапогом польского генерала сотни лучших сынов рабочих и крестьян Западной Белоруссии, крепнет и увеличивается комсомол — боевой отряд армии КИМа.

И это придает бодрость и веру в победу. Мы, находящиеся в условиях новой свободной жизни, свободно собирающиеся для разрешения политических вопросов нашей работы, в этот день должны громко крикнуть всему миру о том, что мы не допустим зверского издевательства кучки садистов — жандармов над изнуренной рабоче-крестьянской молодежью Западной Белоруссии, борющейся за свое освобождение.

Комсомольцы, рабочие и крестьянские парни и девушки — пройдите против зверских издевательств над нашими Западными братьями!

Пусть знает буржуазия, что многомиллионная рать молодежи Союза не допустит дальнейшего зверского истребления молодых рабочих и крестьян Западной Белоруссии и Польши.

Мы требуем немедленного освобождения всех комсомольцев и коммунистов из панских застенков!

Долой белый террор в Польше!

Долой угнетения и издевательства над нашими зарубежными братьями!

Да здравствует тесная солидарность между комсомолом Западной Белоруссии и комсомолом Советской Белоруссии!

Да здравствует идущая неуклонная шагом — пролетарская революция!!!

Общее собрание комсомольцев Ляховского района Минской организации заслушав письмо комсомола Западной Белоруссии, заявляет свое глубокое возмущение против ужасов белого террора в Польше, перешедшего все пределы.

Буржуазия обезумела.

Буржуазия в своей дикой расправе думает массовыми арестами и пытками задушить грозное растущее революционное движение рабочих и крестьянских масс Польши и Западной Белоруссии.

Напрасно! Разве можно потушить солнце? Разве можно утопить комсомол и компартию в море крови?

Мы, комсомольцы Советской Белоруссии, заявляем свой протест против тирании польских панов!

Долой падачей!

Долой тиранов!

Да здравствует революционная борьба и работа Комсомола Западной Белоруссии и Польши!

Рабочемолодежные мелочи,

Отрывают от специальности.

(Профтехшкола строителей, Витебск).

Острую безработицу перенесла профтехшкола строителей в этом году.

Только в середине августа приступили к работам на аэродроме.

Дали нам не печно-каменную рабочую, как обещали, а черную.

Сначала велели нам вырыть помадную яму, а потом произвести кирпичи. Яму-то мы вырыли, а когда подошло к кладке — нас попрощали почему то оставить работу.

Перевели нас на другую работу — столовые.

И опять таки — копали ямки для кирпичей. Кирпичи подносили, а самой кладке нас не допустили.

Хотя мы смотрели на то, что мы бы прекрасно справились с этой работой так как это наша специальность.

А между тем в кодексе законов о труде определено говорится, что специалистов нельзя огрызать от их специальности.

Необходимо, пока работы идут, этот крупный дефект устранить.

Мильгин.

Одним выстрелом двух зайцев убили. —

(Мозырь, сапожно-заготовочная мастерская при Инспекции труда).

Лозунг, выброшенный последним Всебелорусским съездом кожевников «Побольше девушек в производ-

ство» — нашей сапожно-заготовочной мастерской проводится в жизнь.

В мастерскую принято несколько девушек.

Наши ребята сильно любили ругаться, хулиганили на работе и, сколько с этим не боролись, все — напрасно. Но теперь когда в мастерской девушки, ругани, сочных «матов» больше не слышно. Совсем ведь ругаться перед девушками!

Таким образом прием девушек в мастерскую послужил хорошим лекарством от ругани для наших рабочих парней.

Одним выстрелом двух зайце убили!

,Хоть за лучинку, да найдет причинку!"

Минск, профшкола обувников.

Наш зав. мастерской тов. Зыль имеет привычку старого хозяина: «хоть за лучинку, да найдет причинку!».

Он считает своим непременным долгом набрасываться с криком на учеников из-за каждой мелочи, несмотря на то, что рядом сидит инструктор, который может и должен указать ученику на недостатки в работе.

Был однажды такой случай у одного профшкольца, порвалась обувь (это было в холодные дни) и он сел ее починять. Увидя это тов. Зыль, как зверь набросился на паренька и давал его ругать на чем свет стоит.

Много подобных случаев бывает в нашей профшколе.

Необходимо т. Зылю уяснить, что он должен к нам относиться, как старший товарищ и учитель, а не как частный хозяйствчик в старые времена.

Мякинин.

Вступаем в 5-й год.

(Станция Копцевичи, Петровского р., Мозырского округа, фабрика «Звезда»).

Теперь ячейка вылечилась от этих болезней.

Она здоровая, спаянная.

Ячейка проникла во все поры экономической и общественной жизни завода.

Задачи на новый год:

— Охватить 100 проц. всей рабочей молодежи комсомолом.

— Усилить внутривоспитательную работу.

— Увеличить парт'ядро, улучшить партруководство.

Чечик Б.

Дэмабілізаваны, цябе чакае ўпартая праца ў вёсцы.

Рыхтуйся карысна перадаць адтрыманыя табой у Чырвонай Арміі веды.

На менш паважней чымся праца сядор дапрыўнікай, з'яўляецца сутраца і саракстальнікі приходзячага з Чырвонай Арміі маладняка 1902 году з ліка якога некалькі тысяч комсомольцаў уваўцаў ў нашы шэрагі, што асаўліва будзе прыметна ў жыцці і працы вясіковай часткі нашага саюзу.

Жэрты сказаць — два годы вваходзілі ў школу па закалы, вытрымалася ў уচебе — шаіхаванні.

Кожная ячейка, рапом уж павінны рыхтавацца сустракі новыя сілы які ўжо рыхтуюцца дзвеяліцаў кларапівае, цяжкое, але узыздачное працы

комсамолу, у сувязі з сельсаветам РВК, парт'ячайкай і РК КПБ ужо павінны впаць як і, іве скарыстаць прышоўшага ў вёску таго ці іншага другагодніка. У сваі працы ячейка павінна скарыстаць другагодніка ў барабце за нова быт, у працы палітгурткою, школах — перадвіжак, у працы хаты чытальня, у абсталаванні і пабудове Леніна і іншых вулканаў, аз'яўленні жыцця ўніверсітэтам Чырвонай Арміі, у паднімці сельскай гаспадаркі і г. д.

Поля дзеянісці 1902 году і запрошоў ў яму в боку нізовых комсомольскіх арганізацій, вельмі вялікіх. З боку дэмабілізаванага так сама стаіць відданы неадказвацца, што «мы нікчэмнасыць» (гэта было ў некаторых вакругах). Траба аддаць славянскай молодзі, комсамолу і партыі ўсё — што маеш — што ўяў ў Чырвонай Арміі.

Весь наш наказ дэмабілізаванаму чырвоназмейду.

Плотнікаў.

У красных кавалеристов.

Казармы 38-го Ставропольского Кавалерийского полка находятся на самом краю Минска.

2-х этажное здание.

Из окон слышится веселый говор, пиликат гармоника.

Захожу, спрашиваю секретаря ячейки КПБ.

Говорят — нет, если что, так к оторгу можно. (У них в каждом из 4-х эскадронов имеется секретарь партийной и комсомольской организаций — оторг).

Т. Бирюков — оторг дивизиона.

Объясняю цель прихода.

— Хорошо! Мы это живо, только ребята теперь на уборке лошадей. Сейчас кончится и начнут собираться.

Захожу в ленинский уголок.

Стол накрытый красной материей. На столе газеты.

— А какие газеты выписываете? Бирюков насчитал с десяток.

Осматриваем вместе ленинский уголок.

У одной из стен на высоком пьедестале бюст Ильича.

Кругом лозунги, плакаты...

Немножко ниже по обе стороны в рамках „Кто может быть членом РКП“, „Как вступить в РКП“.

В другом месте висит торжественное обещание красноармейца, льготы по налогу красноармейским семьям, письмо английской компании, шефа 7-й Самарской.

Старый боец.

Мерошников Михаил ветеран гражданской войны.

Вступил в Красную армию 25-го февраля 1918 года. Видел виды. Говорит он мне.

— Пришлось упорно бороться на юге России с многочисленными бандами, а потом с Деникиным.

И в плену у Деникина побывал месяц, потом убежжал.

После маленького отпуска, опять ушел в армию.

Теперь демобилизуется. Комсомолец...

Пишут из дома — приезжай, а то без тебя плохо! Кулаки заедают.

Годы в казарме.

Т. Астапов рассказывает, как жили эти годы в казарме, как учились.

Сам Астапов — доброволец, пошел в армию во время добровольного набора Гомельской губ организацией.

— Пришли мы в полк в августе 1923 года.

Было сразу только 5 комсомольцев.

Красноармейцы в массе не знали, что такое комсомол.

Начали мы работать и к концу 23 года имели уже 24 человека комсомольцев.

К концу 24 года уже — 40 человек а теперь в полку 100 комсомольцев, Выросли... Хохочет...

Годы прошли в усиленной учебе, как воинной, так и политической.

Ребята стали более развитыми, веселыми, а то все о домашнем думали.

Теперь интересуются газетой, работают в кружках, в школе, на политиче- и т. д.

Есть полковая школа.

Были уже выпускчики.

Служить в армии теперь хорошо.

Остаюсь здесь....

Евдоким Жуков говорит: — Дома есть кому работать, останусь здесь, узнаю больше разовьюсь, поработаю в армии.

Погулять бы...

— Что теперь! Мирная служба — говорят хором бойцы. Сидеть тут в казармах. Другое дело... война. На фронт бы! Вот!

О деревне ни слова...

Из писем домашних, жалуются красноармейцы, ничего не возьмешь. Напишут «поклонов» четыре страницы и читай, а о читальне, как она работает, что делают комсомольцы ни слова — рассуждает т. Пецык беспартийный парень. — «А если бы написали, как живет деревня, вот бы и знал все».

В это время т. Панухин начинает читку.

Красноармейцы слушают.

В углу согнулся красноармеец — записывает что-то в книгу вопросов и ответов.

В уголке уютно.

Когда уходит, ребята просили, чтобы «Чырвоную Зъмену» доставил обязательно.

М. К.

Кожны комсамоле,
кожны малады рабочы
і селянін павінен быць
чытчом і падпішчыкам
„Чырвонай Зъмены”!

Узмачнім шэфскую працу.

У летку шэфская праца аслабла. Працы, купіць кніжак, плякатаў, выдаць газэт для хаты-чытальні.

З вёскі прыходзяць лісты, ў якіх пішуць, што шэф альбо месяцы два на прыезджаў, альбо й саўсім не пазнаеца і наогул нічога не зрабіў.

Зьяўшчына надта дрэннае: вёска патрабуе дапамогі як культурнай, па дынтычнай—асьветнай, так і матар'яльнай.

Яшчэ у нас шмат ёсьць шэфаў, што падаюць у вёску пагамоніць, паталуюць, нічога практична ня зробяць і падаюць.

А вясковыя хлопцы ня могуць разгарнуць працы й парашца ў сваім соку.

Такая праца бязумоўна не дасць карысці.

Трэба каб вёска адчывала, што ёсьць запрады шэф, клапоціца аб яе інтарэсах.

Ужо блізка зіма.

Шэфам трэба падумаць, як зумесні сіламі з падшэфнымі адбудаваць клуб, падрыхтаваць яго да зімовага

Чырвоная Зъмена

Кожны комсамоле,
кожны малады рабочы
і селянін павінен пісаць
у „Чырвоную Зъмену”

Чытай „Малады Араты“—часопіс селянскага маладзі.

Яшчэ шмат маладзі не чытае гэта цікавай часопісі.

Возьмем апошні 9—10 нумар „М. А.“

Яго тыраж 1100 экземпляраў: значыць, на акругу выходзіць па 110 штук. Лічба нататка малая.

А часопіс бязумоўна павінна стаць настольнаю кніжкаю кожнага вясковага хлапца.

Па зьместу, аздоблены малюнкамі з багатай вокладкай, ён цікавіць вясковую маладзь.

Яго ў вёсках нецярпіва чакаюць: — калік нарэшце выйдзе ён...

Часопіс мае як літаратурна-мастакскую, так і палітычна-грамадскую часткі і інші.

У літаратурнай частцы першым ідзе верш „Два“ Ул. Кавалеўа.

Ул. Кавалеў алавядзе нам аб партызанах—вясковых хлопцах што...

„...вялікую справу ратілі, пану крикнул: „Жыць нам давай!“ Вось за гэта нас ўчора судзілі, Заўтра жыць мы скажам—бываі“

хлопцоў жандары павесілі. Плача маці. Ня толькі маці. Уся Беларусь плача аб шматлічных ахвярах, раскінутых па яе палёх.

С. Шушкевіч у сваім вершы:— Я успомніў слысноў дзяцінства, піша якая цяжкая доля была у хлапца-батрака, які „пасвіў не сваё стада, да на гонях так сама чужацкіх“.

Але малюнкі зъмліліся. Сягоння песьня на тая, што пісці калісці там жніві, дык мінучына скора зълітае, з маіх думак, бы з ветрам авеікі“.

Батрак пачаў жыць на так, ба „на шырокіх жыцьцівага загонах новым плюгам арэ шчасльне глебу“.

Есьць яшчэ у часопісі вершы А. Якімовіча, Звонака.

Апавяданне „У хвалях жыцьця“ М. Нікановіча, нататка цікавае.

У апавяданні—каханье вясковага хлапца Пятруся з дзяўчынаю тае-ж вёсکі, Анеля, на фоне грамадзянскіх вайны і рэвалюцыйных на-дзеяў.

Напісаны добра. Хочаца хутчэй праведаць што ж сталася з Анель каю, з яе Пятрусем.

Нумар ахвярованы МЮД’у, мае матар’ял як прапасыці МЮД, што чытаць аб Міжнародным Юнацкім руху і заданні комсамольца.

У адзеле „Ленінская комсамолія“

Шэф памагае.

(Цытаваў яч. ЛКСМБ Шацкага раёну).

Прайшоў ужо год як ячайка Белка памагаюць узяла сатаварства над нашай ячайкай.

Нашия ячайка якая мела раней 10 сяброў і дэвяте дзяўчыны, цяпер мае 25 сяброў з якіх 7 дзяўчын.

Наладзілі працу і карыстаюцца аўтарытэтам з боку сялянства.

Адбудованы клуб.

Выпускаецца насыщенная газета. Есць пісні народнага творчества з 15 сялянскіх хлопцаў і 10 дзяўчын.

Апрацованы ячайкай комсамольскі агарод, які даў добры плён і усе гэта зроблена пры дапамозе шэфа.

У кожны прыезд шэфа практична агаварвалі пытанні, як паста-

Даўно ня бачылі шэфа!

Рудзенская ячайка ужо месцы трох свайго шэфа ячайку ЛКСМ Бятаў. Гуж, у вочы не бачыла. Ці жывыя? І ці думакаў яны да нас прыехаць.

Палей.

Весткі з „Парыскай Ко- муны“.

Магілёўская прафтэшкола ў адным з нумароў „Чырвонае Зъмены“ хвялілася, што шэфства ў іх надлінкорам, ідзе як на трэба лепей, астасаца толькі гэту працу паглыбіць.

У рэчавістасці Магілёўская прафтэшкола ня так добра, як піша вядома працу па шэфству.

П. Семенов.

Двадцать пять.

(Отрывок из повести „Цыплята и стеряяники“).

...Тюрма.

Дует холадны ветэр. Путаюць спіні в решетках окон тюрмы, где сидят двадцать пять комсомольцев — белорусских крестьян. Волыні песни поёт им северо-восточный ветер. Слушают комсомольцы эти песни днём і ночами...

Тоскливо...

Воля скована тюрмой.

На свободу гросяць молодые сердца. Жельчь размігається обіда со злостью. А выхода нет...

— Эй, не унывай, ребята! За вами сопни, тысячи идут... Смерть капитали!

... Тогда встают комсомольцы и поют. В песни свои вкладывают тоску, по воле, по работе. Нет ни у кого сил удержать эти песни... Жаловались часовые на неукоротимых арестантов, а они пели и пели без конца.

— Замолчите!.. В карцер посадили.

А песня ляглась рекой подноводной... Ни тюрма, ни пытки в ней, ни ночной расстрэл... —ничтони страшит белорусских крестьян-комсомольцев.

Бесстрашны.

Сильны.

В субботу вызвали ребят в канцлерию тюрмы, где их ждали члены военно-полевого суда. Ребят привезли в канцлерии и судили...

— Расстрэл им всем. Они «московские гэвіты». Они и восстание подняли среди крестьян...

Лягтесь гравюю поток кляветы на невинных юнош. Не делали они налетов, не видели они. Чисты совестью перед труда-цимися всего мира были юные белорусы.

Осудили к расстрелу потому, что все ребята гордо заявили, что они комсомольцы...

Вдоль высокой тюремной стены идут обратно в тюрму юноши. Свежий морозный воздух вдахдают они в себя, захлебываясь. Шёлкі румяны от зимнага мороза. Шуршат глаза невольно от ярко-бледнага пущистага снега...

Бесстрашны комсомольцы.

Сильны.

Песни поют комсомольцы.

«Всю красные знамена».

Конвойцы мечтаюць около осужденных. Хотят заставить молчать.

А у каждого окна тюрмы прильнули к решеткам арестованые. Их бледные лица улыбаются молодому задору.

— Куда вас ведут,—крикнул кто-то из решетки.

— Сегодня ночью расстрелят... Всех вас прощайте, товарищи, прощайтесь...

Что-то грозное, жесткое загудело.

Дзінгілі — разбиты стекла. Гудели сотни человеческих голосов.

— О-о! У-у!

— Смерть палачам!

— Изверги!

Это — бут в тюрмы.

Это протест против расстрела.

А в камере, где комсомольцы, посылая из-за решеток проклятия.

— Месть беспощадная всем...

...Ночь.

Звезды миллионы искрочкі блещут.

Одна упадае, а вместо нее сверкнет другая.

Еще и еще...

Тюрми.

У сковных решеток стоят бледныя утомленыя узники комсамольцы. Они ламбіні прыжимаюць к холдным железным прутам решеткі.

Ждуть смерты...

А на дворе твары равнодушнага холднага снег распліццаіся лебяжымі пухамі. Белая зимня ночь тысячамі сваіх газавінага зіданія, безучастно смотріць в глаze зіданія ходзіць.

— Эй, собирайся! — бросіл в камеру охрык вадыраталь.

— Прощай, милый... Смотри крепись...

— Промай, милый. Смотри крепись...

— из уста передавали юные узники.

Из вывала за высокую тюремную стеною и наподалеку от тюрмы предложили рыть большую могилу...

Бесстрашны.

Сильны.

Чисты совесть, как хрусталь перед труда-цимися всего мира, — комсомольцы стали рыть себе могилу.

Стучат лопаты и киркі о замерзшую зямлю. А по морозному воздуху тихо лягает прощальная, последняя песнь молодых жизней:

— Мы жертвою пали в борьбе роковой...

Жизни прервались... Песня смолкла. Залпы из винтовок бурей ворвались в тюрму.

Грозное, жесткое загудело над свежей могилой убитых юношей. Гудели сотни человеческих голосов, посылая из-за решеток проклятия.

...Ночь.

Над комсомольской могилой зіданія зіданінамі свістічных точек блещут. Одна упадае, а вместо нее другая и еще и еще...

Без конца, без числа в дыну ночь расстрелов будуть ярче гореть комсомольские зіданінамі.

Паштовая скрынка

Лабакоўскаму, «Не фэльетон, а факт». Не пойдзе. Дробны факт. Ды я напісава так, што цікава аразьметці.

Лісоўскаму, А. Кагану. Напісаны агульнымі выразамі. Да друку не падхадзіць.

В. Коранькову, Юнкору (Толочын). Рабочаму падростку (Дрысы). Кульбакову, Б. Парціону, Цайтліну (як. прафшколы агульнага). Федаровічу С. Цайтліну (Віцебшчына). Напісанае аб гэтым на «Зъмене» не падхадзіць.